

МИРОСЛАВ ДОЧИНЕЦ

МАФТЕЙ

КНИГА, НАПИСАННАЯ СУХИМ ПЕРОМ

Харьков
«ФОЛІО»
2017

Оглавок. ТЕНЬ ВИНОГРАДАРЯ

«Расскажу вам историю, да такую, что вы не поверите».

«Нет на свете такой истории, чтобы я не поверил».

*Из разговора раввина Элейзара
с мнихом Аввакумом*

Вчера вода принесла мне знак.

Все сущее приносит вода, она же его и забирает. Когда я умывался на корточках у реки, моей десницы коснулось перо. Перо неизвестной птицы. Я вынул его из воды и поднес к губам — перо было сухим.

Вот и пришло время, таки пришло! Время исполнить слово, данное Божьему челядину Аввакуму. То есть переродить мое слово обета в слова. И теперь пришел за это спрос.

Река притихла, ожидая моей отваги. Я поднялся и огляделся, как перед дорогой. С чего начать? Как и куда двигаться? И куда идти?

Сухое перышко не имело веса, зато тяжелой, как никогда, была моя десница. Рука, которая брала и отдавала, карала и ласкала, «губила» и созидала. Теперь должна еще и заговорить. Чтобы исполнилась, чтоб замкнулась в исповеди правда моего земного перехода.

Так постановил Божий челядин, тот, который кормился яблоками, а меня кормил духом.

Тогда мы стояли на Гнилом мосту, и он изношенным посохом сбрасывал в реку желуди, они черкали по плесу, как камешки. А за ними падали его твердые слова.

— Ты напишешь — это и будет оправданием твоего бытия. Placet!¹ Быть посему.

— Почему я?

— Потому что ты — Божий сосуд, в котором Он хранит свое слово.

— А не слишком ли хрупкий сей сосуд, отец мой?

— Понятно, что так. Зато он всегда теплый, и слово не остывает.

— Кому я должен это писать? — слабо спросил я.

— Хм, кому? *Писать для мудрых — нет нужды, для дураков — глупо. Поэтому — для себя самого, чтобы познать роскошь творения, которое содержит в себе что-то от дурня и мудреца. Удивление к себе самому...*

— Но ведь... ты сам меня учил не сеять слова...

— Я тебя не к этому призываю.

— Как же обойтись в письме без слов?

— Укроти ум — пиши сердцем.

— А разве сердце — пузырек с чернилами? Я умею смешивать напитки радости и погибели, но никогда не смешивал чернила...

— Сухим пером напиши. Sapienti sat — умному достаточно.

— Как же это — сухим пером? — дернулся я. — Разве так кто-то делает?

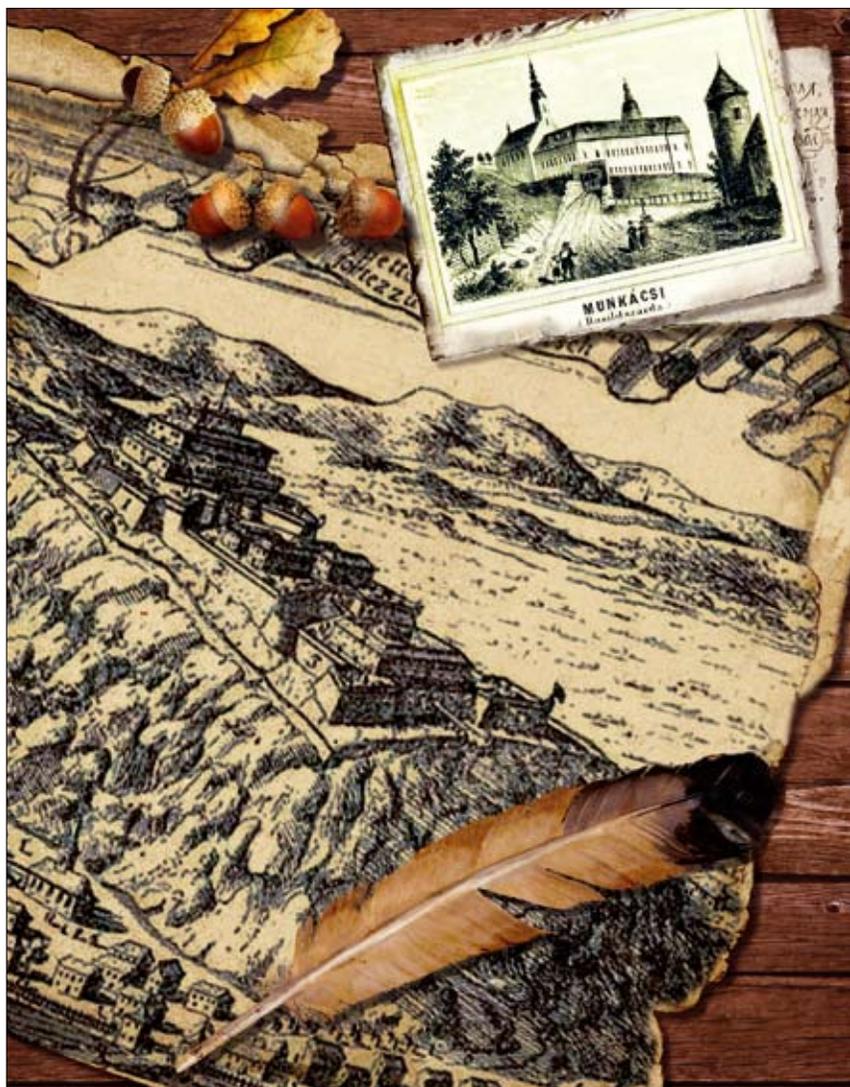
— Наш Учитель не оставил ни одного слова чернилами, а Писание его распространяется по всему миру. Разве не учил я тебя, что высказанная правда теряет, а переписанная чернилами искажается. Правду знает только верное и безошибочное сердце.

— Но мое ли это сердце, учитель?

— И твое тоже. Бог создал нас, чтоб мы были Его соглядатаями на земле.

— Ой ли, я и буквы, которые вы научили мене выписывать, почти забыл, — хватался я за последнее спасение.

¹ Решено (лат.).

«Удивительные вещи происходят в подкарпатском русинском городке Мукачево. Там исчезают девушки...» (стр. 8).

«Вчера вода принесла мне знак.

Все сущее приносит вода, она же его и забирает. Когда я умывался на корточках у реки, моей деснице коснулось перо. Перо неизвестной птицы. Я вынул его из воды и поднес к губам — перо было сухим...» (стр. 9).

— Что там буквы, — Аввакум стукнул палицей. — Буквы — мертвечина, сухие черви на сухой бумаге. Смысл рождают не буквы, а дух. С ним начни и с ним заверши.

— Я не готов, отче, — искренне сознался я.

— Знаю, человек никогда не бывает готов, пока не подпоясанный Божьим духом.

— Легко сказать, а я даже не знаю, с чего начать.

— Коли не знаешь, с чего начать, начинай ab ovo — с самого начала.

— А где находится это начало? — вздохнул я.

— Там, где завязывается конец, — утомленно ответил Аввакум.

Его ответы часто были похожи на кувшин без ручки — поворачивай каким хочешь боком.

— Кто же надоумит меня, как вести свой сказ? — не унимался я в растерянности.

— Как писать... Слышишь тюканье древоделов, которые цифруют¹ церковь в Замлине? Слышишь перепевы топориков: одна затесь, другая затесь, третья — и дерево покрывается резьбой... Пиши затесями — коротко и остро, как дерево рубишь. Нарезай слова из твердого материала и складывай их в плотные, недвижимые ряды... Пиши, помня: *слово, лишнее любви, невыразительное и пустое.*

Вода гладко разносила звук топоров и долот. А мой нос угадывал, что дергали бревна чуть привядшего ясеня. За кривулей реки, недалеко от Аввакумового скита, виднелся седой крест. Берег кипел мелким лиловым цветеньем. Весь простор оделся в цвета пестрой зелени. Все, кроме яблони-кормилицы над его пещерой. На Покров дерево засохло да так и не ожило в яри². Ворона летала над крестом и садилась то на одно, то на другое плечо. Я понимал, о чем говорит сей знак, и печально молчал. Уходил наставник моего земного следа, мой сердечный совет-

¹ *Цифровать* — украшать.

² *Ярь* — весна.

ник и друг. Кто будет направлять мое движение дальше? Никто, кроме Господа.

Кончик посоха, не находя более желудей, отыскал ямку в зыбкой доске. Трухлявое дерево легко долбилось.

— Этот мост скоро упадет, — печально молвил пещерник.

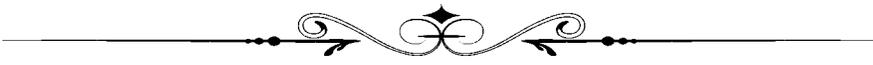
Я кивнул головой. Мне не жаль было Гнилого моста. Жаль было другое. Гнилой мост — это мое просвещение. Мой мостик над водой в мир, из глубины старовека — к простору мысли. Тут проходили наши с ним часы, пронизанные счастьем познания. Но теперь не об этом речь...

В тот предсказанный день, в последний раз молча поклонившись, Аввакум пошел к своей мертвой яблоне. А я долго еще оглядывался на тощую, сломленную фигуру, поднимающуюся в гору. Уже тогда я точно знал, что человек этот и есть гора. И понимал, что он оставляет меня самого плавать на большой воде.

Лоза любит тень виноградаря. Так он сказал однажды. С тех пор я живу в его тени.

Так научи меня, Господи, косноязычного в слове и криворукого в писании, положить на бумагу эту исповедь, чтоб исполнить обет чтимому челядину¹, зиждителю сокровищ моей души и светлости любомудрия. Аминь.

¹ *Челядин (закарп.)* — человек.

Затесь первая. ВЕЧЕРНИЙ ВИЗИТ

Возьму топоришку, срублю деревяшку.
Пущу деревинке зелену кровинку.
Излечи ты, кровушка, сердце изболевшее.
Сдержу до конца я заветы отца.

Стихоплет из Нижнего Шарда писал

Ежели мне судилось поведать это, то надлежит начать. С самого начала.

С высоты (или может, низины) своих злоключений смотрю я на то лето, аки на круг, что замкнулся ожерельем хлопотных дней, — их он отнял от сладкого отшельничества и окунул меня в суету мира. И я, к своему удивлению, поддался этому течению, сам себя оправдывая: если и бороться, то за добро, а не против зла. И пустился со своего нагретого Белебня, как старый орел, который тратит силу крыльев, зато владеет силой ветра.

Пережитое выветрится, как туча, а записанное останется духовным завещанием твоего сердца. Тоже слова Божьего челядина.

Моя обитель приколочена к побережью Латорицы ступнями моих прадедов, заговорена их живой беседой, что тянется из древних времен, как вода из-под кадуба¹. Мое родовое наследство дедов, мой любимый мирок. Мы, Просвирники, издавна селились возле реки. Рыбы ели много — потому и умные, так люди говорят. Река и дерево мне носит. Бревна, облизанные водой, выбеленные солнцем и хрупкие, как ребра лесного скелета. На живое дерево я бы руку не поднял. Потому что, окромя доб-

¹ *Кадуб* — источник.